

ПОД ЯРЧАЙШЕЙ РАДУГОЙ

Среди книг, ежегодно выдвигаемых на соискание Государственной премии СССР, неизменно находят и произведения на военно-патриотическую тему. Вот и в нынешнем (1981 года) списке — поэма безвременно ушедшего от нас поэта Сергея Наровчатова «Фронтая радуга».

Наровчатов, как известно, — один из ярчайших представителей плеяды фронтовых поэтов. Он человек того поколения, у которого, по выражению К. Федина, все сеновалы памяти набиты военным материалом. Новая поэма светлая и трагична, по-хорошему воспоминательна и в то же время обращена в сегодняшний день и даже завтрашний, как напоминание, что «любовь всегда во вражде с войной». Она вся предельно лирична и гражданственна.

А сюжет произведения довольно прост. Первая любовь юного лейтенанта Николая и девушки Наташи. Их встречи, а затем и посещение райзаса, вызвавшее легкое замешательство у девчонки — регистраторши браков («У лейтенанта паспорта нет, — рассудила ровесница здраво, — ставить печать на другой документ вряд ли дано мне право»). После этого — возвращение на грузовике в прифронтовое село. И гибель от внезапного артобстрела — вот и все.

Кому-то такая цепочка эпизодов может показаться недостаточно емкой, почти тривиальной. Но если она тривиальна, то тривиальна... как хлеб. У хлеба, замечу, есть одно качество — пожалуй, важнейшее — неприедаемость. Читателей разных эпох волновала и продолжает волновать судьба двух влюбленных. Герои поэмы Наровчатова столкнулись, однако, не со злыми людьми и языками, не с предрассудками или коварством. Война. Это она «на ножах с любовью». Жестоко?.. Правдиво!

К тому же вряд ли понятие «сюжет» исчерпывается пересказанной историей. Тут скорее лишь событийный узелок в сердцевине сюжета, а сам он шире, накаленное. Перед нами поэма поколения — и потому она исповедальна.

Не вышли лейтенанты
в капитаны,
Но вышли к той
невидимой черте,
Где все равны в своей
посмертной славе,
Где им черед
бессмертия настал,
В литую бронзу
воплотиться вправе,
Для них Россия —
общий пьедестал.

Перед читателями такой нерасторжимый сплав авторской фантазии с пережитым, что было бы грешно отделять «роль вымысел» от подлинной биографии. Она, раздвигая рамки сюжета, стирая случайные черты и типизируя главные, ворвалась в поэму, сделала ее еще лиричнее и достовернее. Потому-то естественной кажется здесь, к примеру, такая строфа:

О моем поколеньи
спросите меня:
В списке
жестоким и строгим
Погибших поэтов
встают имена:
Майоров,
Суворов,
Коган.

Все это, без сомнения, помогло автору правдиво и ярко создать эмоциональный, психологический, да и просто портретный образ основного героя поэмы: «А был лейтенант романтичен,

хоть плачь, в нем геройская чуялась складка, шурпала, как мушкетерский плащ, зеленая плащ-палатка».

Стих поэмы раскован, демократичен; но не переходит ли порой эта демократичность — явление само по себе позитивное — в приблизительность? Не скрою, оставило меня четверостишие о первых встречах наших молодых героев: «Ни книги, прочитанные за столом, ни концерты в притихшем зале, поединки воздушные над селом их развлечением стали». Очень приблизительным мне показалось слово «развлечение» — даже по отношению к книгам, не говоря уже о воздушных боях, пусть и заканчивающихся победой наших «ястребков». Но при повторном чтении понял: нет, не сфальшивил поэт. Ведь нельзя брать строку или строфу в изоляции от общей манеры письма, интонационного строя, в частности. А интонация поэмы — разговорная, раскованная. Но с романтическими выплесками и, где надо, аскетически мужественная. Она способствует завоеванию читательского доверия.

В поэме «Фронтая радуга» во весь рост встает не только судьба нашего, фронтового поколения, но и, что чрезвычайно важно, пути формирования его самосознания, истоки. Как сказал Наровчатов — «юности общий дневник». Подростки рано становились ленинцами — с первых пионерских костров и красного галстука; горячее дыхание первых пятилеток согревало нас. Автор вполне удовлетворил обычную читательскую жажду — и подробностями, и приметами времени («А у связисток шумит патефон, ставят без лишнего вопроса пластинки невозвратимых времен — Шульженко, Козин, Утесов»). Таких деталей в поэме немало.

Отныне у читателей нашей поэзии появились новые друзья — навсегда оставшиеся молодыми Николай Бородин и Наташа Одинцова. Поэма в равной степени адресована взрослому читателю и молодому. Знакомая с ней, молодые люди, одетые в солдатскую шинель, рабочую спецовку или обычный костюм, задумываются — Чью юность они продолжают сегодня.

М. НАИДИЧ.

НА СМЕТУ

23 СЕН 1981